

Колдовские *Миры*

ТЕРЕЗА ТУР

Империя Тигвердов

НЕВЕСТА
ДЛЯ БАСТАРДА

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т86

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *Е. Соловьевой*

Тур, Тереза.
Т86 Империя Тигвердов. Невеста для бастарда /
Тереза Тур. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
384 с.

ISBN 978-5-699-92367-0

Никогда не знаешь, что больше пригодится в жизни — высшее образование или умение печь блины. Никогда не знаешь, что больше пригодится твоему сыну. Английский или фехтование, которым он занялся из-за аварии. Никогда не знаешь, где найдешь свое счастье. И где потеряешь — тоже не знаешь. Меня зовут Вероника Лиззард. Фамилия вымышленная, признаюсь в этом честно, потому что врать в империи Тигвердов бесполезно. Особенно милорду Верду, Имперскому палачу и бастарду императора. Он сильный маг и чувствует ложь. И только однажды он ошибется и потеряет свое счастье. Но это будет не скоро. А пока нам еще только предстоит встретиться, взломав грань миров. И, пересилив привычное одиночество, полюбить друг друга.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92367-0

© Тур Т., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

— Уважаемые, мне как-то странно озадачиваться вопросами дисциплины. Вы, похоже, не до конца осознали, куда поступили! Это Академия МВД, если кто еще не понял. Вы поступили, чтобы учиться — вот и учитесь!

Моя мама называла подобный тон голоса «специальным, учительским» и кривилась, если слышала его в моем исполнении. А что — получалось весьма и весьма мерзко, кто ж спорит. Все во имя педагогического процесса!

Первая лекция по истории России, которую я преподавала в нашем замечательном вузе, проходила классически — первый курс традиционно пытался кому-то что-то доказать, а преподаватели, в том числе и я, их традиционно строили. Как говаривал мой научный руководитель в Большом Университете, который я заканчивала:

— Аспирант — это зародыш специалиста, а вы, студенты первого курса... Я даже боюсь предположить, кто вы относительно разумности.

Но мы в свое время хотя бы добровольно признавали свое несовершенство. А эти красавцы и красавицы. Личности... Мало знаем, практически ничего не умеем... А гонору...

Вообще, никто особо не любит брать первый курс... Как выражается мой папенька: «И тут каждый суслик начинает из себя агронома корчить». Так что строить студиезов приходится жестоко, чтобы потом не отчислять. Хотя некоторые экземпляры попадаются на редкость непонятливые и, кстати, искренне считающие, что им кто-то что-то должен. Казалось бы, должны понимать, куда поступили. Название вуза — Академия Министерства внутренних дел — говорит само за себя. Не... Не говорит.

Вот на мою лекцию по истории родной страны девушка-красавица явилась с флаконом лака для ногтей. Ну, еще бы — когда же ей их красить. На мое возмущение мне высокомерно ответствовали, что она же меня слушает...

Это она зря. Преподаватель — он ведь тоже человек. Злонравный и злопамятный. Когда его вынуждают, он старательно и умеючи выносит мозг студентам... Вот и у меня кандидатка на отчисление появилась...

Первое сентября, однако...

И так сколько лет подряд? Двенадцать уже... Ох, люблю я свою работу. Ладно, вдохнули и поехали дальше сеять разумное, доброе, вечное...

Откуда там есть пошла земля русская?..

В этом году у меня все так же, все те же, все то же. Первый курс нескольких факультетов. У будущих теперь уже полицейских, следователей и экспертов традиционно много русской истории. У меня, соответственно, часов. И мои любимые заочники — уже трудящиеся на ниве правопорядка товарищи, которым резко понадобилось высшее образование. У них сейчас установочная сессия — у меня по пять пар в день на этой неделе. И все лекционные.

Домой я ехала, ощущая себя тем самым бессмертным пони, образ которого так любят тиражировать в Интернете. Поэтому машину вела аккуратно. Наверное, излишне. Все знакомые мужского пола меня критикуют за стиль вождения — трогаюсь не резко, стараюсь всех пропустить.

Перед самым поворотом на родную улицу у меня из-за спины выскочил черный грязный «УАЗ Патриот». Резко взвизгнули тормоза, водитель вывернул руль — и поставил машину перед моей.

Я даже тронуться не успела.

Сердце kloкотало где-то в области горла, руки потряхивало.

Заглушила мотор, достала ключи из замка зажигания, вытащила телефон — если что, позвоню знакомым дэпээсникам.

В окно моего небольшого и уютного «пыжика» постучали.

— Денис Юрьевич! — разозлилась я. — Что за шутки?!

И я выскочила навстречу своему старому-старому знакомому. Давно это было. Первые заочники в первый год работы. И я, искренне считающая, что важнее хороших знаний по истории родной страны быть ничего попросту не может. А еще у меня есть одна отличительная черта: если я волнуюсь, или переживаю, или просто чувствую себя дискомфортно, то поток слов из меня идет... нескончаемый и частично неосознанный... На той приснопамятной лекции чувствовала я себя, понятно, не очень уверенно. А что? Несколько групп — человек девяносто — взрослых дяденек и тетенок, смотревших на мои словесные экзерсисы широко открытыми глазами, в которых читалась тоска и раздражение. От этого я начала злиться и под конец

лекции вспомнила, что не проверила присутствующих и отсутствующих. Подняла старосту, выяснила, что в аудитории нет трех студентов, и впала в окончательную патетику.

— Как можно! — возопила я. — У вас первая лекция!!! Я не могу понять, что может помешать прийти на лекцию, если уж вы решили учиться?! Я требую серьезного отношения к учебе. И передайте, пожалуйста, тем, кого сегодня не было, что зачета по своему предмету я им не поставлю! Ни при каких условиях!!!

На этом я удалилась к первокурсникам.

Посредине лекции раздался осторожный стук. Я распахнула дверь.

— Вероника Евгеньевна... Там... к вам, — со странными интонациями проговорила наша лаборантка и припустила по коридору прочь.

Я вышла, огляделась и обомлела. В нашем достаточно узком и неярко освещенном коридоре обнаружились люди размером с мой двустворчатый шкаф. В количестве трех штук. С автоматами, в бронежилетах. С черными закрученными шапочками на макушке. Несколько долгих-долгих секунд я смотрела на них в священном ужасе. И вдруг поняла, что они смотрят на меня с теми же чувствами. Потом один из них решился и шагнул вперед. Я с трудом удержалась от визга.

— Вероника Евгеньевна! Что нам делать с зачетом? — очень жалобно протянул самый смелый.

— А?! — на редкость умно получилось у меня.

— Нам староста позвонила. Сказала, что нам зачета не видать. Мы к командиру подошли еще утром — а у нас охранение... И мы ему говорим: у нас история. А он нам и отвечает...

— Денис, заткнись... — вмешался еще один шкаф.

— Нет, мы вам не скажем, что он говорил про вашу историю... А потом староста позвонила — и мы к нему опять пошли. И он говорит...

— Денис, — снова остановил оратора сослуживец.

— Да понял я, понял, — отмахнулся от него тот, кто говорил. — Мы все-таки отпросились — и к вам!

— Это хорошо, что ко мне... — Я по-прежнему была в прострации, но, кажется, поняла — своим настроением я напугала сотрудников доблестных правоохранительных органов так же, как они меня своим явлением с автоматами...

— А вот что нам теперь с зачетом делать?

Эта история отучила меня говорить слово «никогда». И фразу: «Ни при каких обстоятельствах». Эти самые обстоятельства, как я уяснила с тех пор для себя, бывают очень и очень разные.

И вот сейчас один из этих бывших заочников внимательно и печально смотрел на меня.

— Ника... Вот ты... Ты во что вляпалась? — спросил у меня командир РУБОПа. Непривычно серьезно. Таким он был только на той самой встрече в коридоре нашего учебного заведения. Потом — сколько себя помню — он все время улыбался, когда видел меня.

Он стоял передо мной — рослый, сильный. Черноглазый, темноволосый, с резкими чертами лица, классически-перебитым носом боксера и... замечательным компанейским характером. С особой нежностью очень сильного человека ко всем, кого он считал «своими».

Я посмотрела на него внимательно и недовольно поджала губы. Как-то я не привыкла, чтобы мои студенты, пусть даже и бывшие, пусть и нынче за-

нимающие такой пост, называли меня на «ты» и по имени.

— Хмуришься?

— Злюсь, Денис Юрьевич. Вы же знаете, как я аварий боюсь. И знаете — почему. Так весь этот цирк — зачем?

— До меня дошли слухи. Нехорошие такие слухи. Очень авторитетные люди — нашим они точно не по зубам — разыскивают женщину, у которой внезапно появился мальчик лет четырнадцати. Мальчик светловолосый, сероглазый. Ведет себя очень по-взрослому, из-за этого кажется старше своего возраста. И, самое главное, примета есть — небольшой шрамик над верхней губой. Слева.

Я молчала, судорожно соображая, что же мне делать дальше.

— Мальчишку и всех, кого обнаружат рядом, приказано убрать. Да так, чтобы никаких следов... Ничего мне не расскажешь?

Отрицательно покачала головой.

— Угу. И почему похожего ребенка я видел в твоей квартире рядом с твоим сыном, тоже промолчишь? И почему просила меня документы на этого ребенка сваять, тоже объяснять не будешь? Кстати, твой сын тоже светловолосый. Не боишься, что их попутают?

— Вы засветили свой интерес?

— Нет. Я забегался — и не успел в ЗАГС съездить.

— Спасибо, — выдохнула я с облегчением.

— Ника. Давай я договорюсь со своими — тебя с сыном отвезут куда-нибудь подальше...

— А Рэм?

— Кто?

— Второй мальчик? Которого разыскивают.

— Боюсь, что ни ты, ни я, ни кто-то еще... Его все равно найдут. И... — Он замер.

— Спасибо. Я поеду, пожалуй.

— Ты понимаешь, я сделать ничего не смогу. Если наших привлечь — еще быстрее найдут. Кто-нибудь сдаст. И к отцу твоему нельзя по тем же самым соображениям. Сольют информацию о тебе.

— Я понимаю. Спасибо, что предупредил.

— Ты не передумаешь? — обреченно проговорил он.

— Нет. Не могу.

— Тогда... Никому ничего не говори. Не укрывайся у тех, кого хоть как-то можно связать с тобой или с мальчиками. Машину поменять тебе надо. С этим я, пожалуй, помогу. Давай ключи от своей. Отгоню куда-нибудь подальше. В лес.

— Что с родителями делать? Их тоже надо предупредить.

— Я постараюсь. Только очень и очень потом. Когда будет безопасно. Теперь слушай. Выйдете из дома, сядете на маршрутку, которая едет по Таллинскому шоссе до Горелово. Там я оставлю серую старенькую «Ауди-80». Документы будут в бардачке. Возьми ключи.

Он назвал улицу, номера машины.

— Ты все-таки решил помочь, — посмотрела я на бывшего студента. Ничем мне, в принципе, не обязанного. Отношений между нами тоже особых не было. Приятельствовали — не больше...

— Я не люблю хоронить хороших людей. Если бы ты знала, Ника, как я ненавижу кладбища... Только жаль, что сделать больше не могу...

— Ты и так сделал много.

— Только поезжайте туда, где вас никогда не было. Телефоны — свой и детские — дома оставь.

Ноутбук. Карты банковские тоже. Деньги... Только наличка. Вот — держи. Немного. Что есть. С Богом...

Он обнял меня, забрал ключи. Выдал мою сумку с переднего сиденья. Сел за руль моего «пыжика», поерзал, отодвигая кресло.

— Жуть какая! Как ты тут помещаешься? — сказал он в открытое окно.

Сдал назад.

— Кто же тебе этот мальчик? — задал он вопрос, понимая, что я не отвечу, и уехал.

Его огромный «УАЗ» так и остался на перекрестке, особо не прижатый к обочине.

Я покачала головой и отправилась домой через банк. Надо было снять всю наличку.

— Ваше сиятельство, — сказала я, как только открыла дверь дома, — вас, похоже, обнаружили. Как будем скрываться? Нам надо такое место, которое никак нельзя было бы связать с вами или со мной...

Глава 2

Ночь. Глухая, черная осенняя ночь. Дорога, которая из-за темени кажется жутковатой. Нервный, дергающийся свет фар встречных машин. И дикое нервное напряжение. Ощущаю себя дичью, которую загоняют охотники. И ладно бы была одна... Но на заднем сиденье сопят мальчики — заснули. Один мой. Другой — тоже, наверное, теперь мой. По крайней мере, я не смогла отдать его тем, кто за ним охотится. Как его мать не смогла в свое время пройти мимо покореженной машины, в которой умирал маленький ребенок. Мой ребенок.

Мелкий, мерно морозящий дождь упрямо и как-то жалобно просился внутрь машины. Дворники работали с трудом и скрипом. Я внимательно смотрела на дорогу, старалась ни о чем не думать, но мысли все равно текли, унося в воспоминания...

Виктор всегда любил скорость, адреналин и риск. Поэтому и машину мой бывший муж всегда водил так, словно речь шла о выигрыше в «Формуле-1». Молодой, красивый, спортивный, с насмешливым прищуром синих глаз. Из очень обеспеченной семьи. Насмешливое фырканье в моем исполнении в день нашего знакомства он воспринял как вызов. А вызов ему кидать не смели. Никто. Осада была недолгой. Я по прошествии лет отмечаю это со стыдом. Романтика, чтоб ее... Кипящая страсть. Дурь молодости.

Получилось все закономерно — крайне беременная невеста в девятнадцать лет. Поджатые губы моих родителей. Вся семья Виктора, включая его самого, практически в трансе — они познакомились с моим папенькой. А он в гневе... Это не то, что я бы рекомендовала для долгой и счастливой жизни. Полковник ФСБ на генеральской должности... Он объявил торжественно: свадьбе быть. Внука ему рожать. Так все и получилось. Моя мама — честь ей и хвала — бросила все дела, но в университете я практически ни дня не пропустила. Кстати, рожать меня увозили с родного исторического факультета. Сразу после сдачи последнего экзамена летней сессии...

А когда Павлику было почти два года, мы попали в аварию. Виктор вел «бэху» в своей обычной манере.

— Кольцевая — это для того, чтобы погонять! — говорил муж как раз в тот момент, когда мы вынес-

лись со стороны города и встраивались в поток машин. — Скорость — классная, двести. Смотри, как офигенски получилось, зад чуть закинуло. А ты чего плетешься!!!! Нет, смотри, выпрутся на Кольцевую и плетутся!

Он чуть сильнее, чем было необходимо, выкрутил руль, пошел на обгон — и мы цепанули тот самый автомобильчик, водитель которого взбесил моего мужа.

Я кричала, сын хрипел, железки и пластмасски сминались. Скрежет. Визг шин. Машина словно попала в водоворот, собрав на себя все проезжающие автомобили...

Когда все закончилось, я не могла пошевелиться. Голова была расплющена о подушку безопасности, из носа шла кровь. Ног и позвоночника, по ощущениям, не было вовсе. Только боль. И самое страшное, я уже не слышала дыхания сына.

— Помогите... Пожалуйста... — Я не могла кричать. Я могла едва слышно хрипеть. — Во имя всего святого, помогите...

Впервые за последние двенадцать лет я не испытывала паники, снова и снова вспоминая то, что произошло дальше... Наконец-то я могла с уверенностью сказать сама себе: «Нет, Ника, тебе не померещилось, ты не была в обмороке, все, что ты вспоминаешь сейчас, было на самом деле!» Легче не стало, наоборот, проблем прибавилось, и все-таки осознавать, что с тобой все в порядке, — ни с чем не сравнимое удовольствие! До сего момента эти воспоминания мучили и терзали... Смутными сомнениями...

Дверь машины вырвали, словно она была из бумаги. До сих пор в мельчайших подробностях помню длинные, легкие, будто прозрачные пальцы, тя-

желые кольца, узкий рукав, закрывающий руку до костяшек... Помню, как сверкнуло золото вышивки, отражаясь в темно-карих глазах. Огромных, внимательных и... очень грустных. Золотые искорки, правильные черты лица, волны мягких каштановых волос, тонкая талия, перехваченная широким поясом со странным, но очень красивым узором, который почему-то отделился от хрупкой фигуры и поплыл на меня... Все это медленно исчезало из сознания...

— Сын... — все же шевельнулись мои губы, — сын...

— Надо же. Тоже мальчик. Сколько ему? — доброжелательно поинтересовалась незнакомка, словно мы встретились не в покореженной машине, а на какой-нибудь встрече новоиспеченных мамаш.

— Два. Скоро будет...

— Будет, — кивнула женщина. — Обязательно будет. Как и моему.

Я не видела, что она делает, слышала только мелодичное пришептывание на непонятном языке.

Потом заплакал Паша — горько и обиженно. Перепугано. Но сильно.

— Так, — тяжело дыша, проговорила женщина. — Все. Времени доработать до конца нет, но ничего. Шпагу в руки возьмет — и все разработается. Теперь вы. А то покалеченной маме без ног тяжело будет за таким сильным мальчиком бегать...

На мой лоб опускается теплая ладонь. Раздается мелодия непонятных слов — только более громкая, требовательная. Боль отпускает.

— Вот так-то лучше, — тихо говорит женщина. Внимательно, с каким-то печальным любопыт-